

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2015 – № 2

**ОБРАЗ РОССИИ
В СТРАНАХ ЕВРОПЫ**
THE IMAGE OF RUSSIA
IN EUROPE

Москва
2015

Коллектив авторов
Наталия Юрьевна Лапина
А. В. Гордон
Актуальные проблемы
Европы №2 / 2015
Серия «Журнал «Актуальные
проблемы Европы»»
Серия «Сборник научных
трудов 2015», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38615649
Актуальные проблемы Европы №2 / 2015 Образ России в странах
Европы:*

Аннотация

Исследуются факторы, влияющие на восприятие России в Европе. Анализируются историческая эволюция образов, устоявшиеся стереотипы и новые представления, возникающие в современном мире, подчеркивается роль СМИ, интеллектуальных и политических элит в формировании имиджа России в странах Европы.

Для политиков, научных работников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	8
Польская общественная мысль о России	26
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Актуальные проблемы Европы №2 / 2015 Образ России в странах Европы

Сведения об авторах

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Bitkova T.G. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Philology). (tgbitkova@mail.ru)

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Gordon A.V. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc. D. in History). (gordon_alexandr@mail.ru)

Зоткин Андрей Алексеевич – кандидат социологических наук, ученый секретарь Института социологии НАН Украины.

Zotkin A.A. – Scientific Secretary of the Institute

of sociology NASU (Ukraine), Ph.D. (Sociology). (and-zotkin@yandex.ru)

Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Kaninskaya G.N. – Professor, Yaroslavl's State University after P.G. Demidov, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (kaninskg@mail.ru)

Кругликова Татьяна Вячеславовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Krouglikova T.V. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Economics). (global@inion.ru)

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Lapina N. Yu. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (lapina_n@mail.ru)

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Lykoshina L.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of historical sciences (Sc. D. in History). (lykoshina.lara@yandex.ru)

Орлов Борис Сергеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информа-

ции по общественным наукам РАН.

Orlov B.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of historical sciences (Sc. D. in History).

Черкасова Екатерина Геннадиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Cherkasova E.G. – Senior researcher, Institute of world economy and international relations RAS, Ph.D. (History). (katya_moscow@inbox.ru)

Черноморова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Chernomorova T.V. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Economics). (global@inion.ru)

Щербакова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Scherbakova Yu.A. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (History). (juli.bak@mail.ru)

Введение

С окончанием холодной войны и идеологической конфронтации международные кризисы в общественных науках начали трактоваться в цивилизационных категориях. Отечественные геополитики с поразительной готовностью подхватили максимум заокеанского политолога о «столкновении цивилизаций». Не вдаваясь в подробности, отметим: Сэмюэл Хантингтон призывал к сплочению Европы и Северной Америки перед лицом остального мира (West – Rest). В России идея противостояния нашей стране недифференцированного Запада, всецело контролируемого США, получила широкую популярность.

Между тем наиболее острые конфликты происходят внутри классических цивилизаций, о чем болезненно напоминает мусульманский мир. Фундаменталистский терроризм – такой же «выкидыш» (Ш. Эйзенштадт) современного цивилизационного процесса, какими были национализм и империализм в Европе, приведшие к Первой мировой войне, и тоталитарные режимы, возникшие после ее окончания.

Стереотипы «Запад–Восток», «Европа–Азия» соответствовали XIX в. А что наблюдается сегодня? Мы хотели ответить на этот вопрос, поставив во главу угла взаимодействие России и Европы на символическом уровне. В центре внимания авторов издания – образ России, сформировав-

шийся в странах Европы, в частности, под влиянием украинского кризиса.

В международных кризисах пространство представлений стран и народов друг о друге напоминает минное поле, где угрозу таят накопившиеся за долгие годы стереотипы. Стереотипы имеют тенденцию складываться по принципу «кто не с нами, тот против нас». Противостоять этой «баррикадной» логике сложно, она представлена и в материалах предлагаемого читателю выпуска журнала.

Логика «баррикад» уходит в далекое прошлое, в традицию выстраивать идентичность социума, а затем и государства на основе противопоставления *Другому (Другим)*. При этом социум-государство, запоздавшее, подобно России, с вступлением на международную арену, особенно чувствительно к восприятию себя и своих действий за рубежом. Из века в век это находило отражение в стереотипной классификации иностранных представлений о России: положительные – отрицательные, дружественные – враждебные, «русофилия» – «русофобия», а также в устойчивой тенденции сводить негативные отзывы к культурно-психологическим комплексам их авторов при упорном нежелании найти в них повод для самокритичного размышления.

Классический пример – восприятие заметок маркиза де Кюстина, посетившего Россию летом 1839 г. Уже в царствование Николая I возникла целая библиотека опровержений маркиза и, что характерно, – по-французски, для Запада.

А для русского читателя действовало правило, сформулированное В.А. Жуковским: «Нападать надобно не на книгу, ибо в ней много и правды, но на Кюстина»¹. И дело не только в позиции правящих кругов. Кюстин, по выражению А.И. Герцена, «оскорбительно много видит»². Маркиз нанес удар по национальному самолюбию европеизированной русской элиты, ибо, как заметил еще предшественник Кюстина Жозеф де Местр, «русские лучше, чем кто-либо, видят собственные свои пороки, но менее всех других терпят указания на оные»³.

Подход Кюстина с его уничижительными оценками *Другого* – достаточно характерное явление для формировавшегося в Новое время самосознания Запада, как оно выражено в заметках европейских путешественников. Отдаленным предшественником маркиза можно считать Франсуа Бернье, записки которого о Могольской Индии стали каноническими для создания стереотипа «восточного деспотизма». В книге Кюстина о России особенности этой традиции выразились двояко. Сосредоточившись на критике самодержавного правления, маркиз присоединил к ней характеристику российского общества и культуры. Кроме прямолинейности

¹ Гессен С.И., Предтеченский А.В. Маркиз де Кюстин и его мемуары // Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – С. 25.

² Мироненко С.В. Голос из прошлого // Там же. – С. 5.

³ Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. – СПб.: ИНА пресс, 1995. – С. 240.

обобщений бросается в глаза пренебрежение исторической динамикой. Признав Россию «полуазиатским» обществом, Кюстин полагал, что, сохраняя верность исконным традициям, она таковой и должна остаться.

Пафос книги очевиден – русским царям следует цивилизовать Азию и оставить претензии на гегемонию в Европе, заявленные после победы над Наполеоном. Материалы нашего издания свидетельствуют: в Европе остается немало последователей Кюстина, склонных маргинализировать Россию, вычеркнув ее из числа европейских стран.

А что думают по этому поводу в самой России? «Россия – европейская страна», – утверждала Екатерина II, и эту убежденность разделяли Карамзин и Пушкин. «Европеец» с гордостью называли свой журнал братья Киреевские, «русским европейцем» именовал себя и Достоевский. Между тем сегодня на государственном уровне слышны заявления «Россия не Европа». Вперед выходят установки об особой цивилизации, мыслимой вне модернизационного процесса. Им сопутствует сакрализация прошлого, которая с энтузиазмом воспринимается национальным сознанием, мучительно переживающим распад Советского Союза. Оживший синдром «осажденной крепости» с истощающей полнотой объясняет кризис в отношениях между Европой и Западом.

Цивилизационные особенности страны подменяются геополитическими соображениями, культурно-исторический анализ – озабоченностью статусом мировой державы. В

цивилизационную характеристику включаются: мания пространства, стремящегося к расширению; военная мощь, обеспечивающая защиту от соперников/конкурентов; мессианский посыл, определяющий особое место России в мире, ее исключительность и самодостаточность.

В конечном счете подобные установки чаще всего предполагают особую роль государства, поглощающего и подменяющего собой общество. Исключительная, в том числе культуртрегерская, роль государственной власти трактуется как некая изначальность и даже предначертанность. Но сулит ли успеху российской модернизации отстаивание архетипов власти, сформировавшихся в эпоху «просвещенного абсолютизма»⁴?

Игорь Стравинский писал в 1930-е годы, что Россия «стоит на перекрестке, напротив Европы, но повернувшись к ней спиной»⁵. Проблема выбора, которую композитор определял как «основную историческую проблему» России, вновь вырисовывается в начале XXI столетия, когда мир стал глобальным. Итак вопрос остается открытым: Россия вместе с Европой, Россия как *Другая* Европа в общем цивилизационном процессе или как нечто совершенно отличное?

Неготовность большей части отечественной элиты к выбо-

⁴ См.: Гордон А.В. *Создание образа имперской власти в России (Типическое и архетипическое)* // *Труды по русистике: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр русистических исследований; гл. ред. – Глебова И.И. – Вып. 4. – М., 2012. – С. 275–296.*

⁵ Стравинский И.Ф. *Хроника. Поэтика.* – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 227.

ру в пользу полноценной модернизации выразилась в обращении к советско-имперским образцам государственной политики. При этом Советский Союз истолковывается как «социалистическая империя», а империя Романовых – как братство народностей, сплоченных державной волей под скипетром русского царя. Переоценка имперского прошлого обрела отчетливый международный резонанс и, как показывают материалы выпуска, была настороженно воспринята европейским общественным мнением.

Негативный морально-политический фон в отношениях между Россией и Европой отразился, в свою очередь, на связях с ближайшими, «кровными» соседями. Прежде всего – с Украиной, для которой вопрос цивилизационного самоопределения «Европа» или «не Европа» встал еще более остро, обернулся духовным и политическим расколом страны.

Думается, что вопреки пропаганде в отечественных СМИ подлинным антагонистом России в Украине выступает отнюдь не военная организация Североатлантического договора. Дорога к вступлению в НАТО Украине была заказана еще при Викторе Ющенко и Юлии Тимошенко именно потому, что большинство жителей страны были настроены против членства в этой организации (см. статью А.А. Зоткина). Напротив, европейская ориентация, установка на интеграцию с ЕС пользовалась популярностью в различных частях страны задолго до Майдана, и эта ориентация имела свои культурно-цивилизационные основания. Соответственно, и в Евро-

не не могли не учитывать подобные настроения.

Избегая всестороннего осмысления конфронтации с Европой, часть российской элиты склонна тешить себя теориями заговора. Чтобы отрешиться от них, мы попытались разобраться в том, что является раздражителем в европейском общественном мнении при оценке политики России в украинском вопросе. Усилиями большей части российских СМИ, и федеральных каналов ТВ преимущественно, создается впечатление, что весь мир понимает правомерность действий России, а если и не понимает, то исключительно из-за давления США, которые навязывают Европе и всему миру фальсифицированную версию событий.

Как ни парадоксально, отстаивая многополярность современного мира, множество отечественных экспертов в области международной политики упорно видят на мировой арене лишь одного игрока – Соединенные Штаты Америки. Материалы нашего издания свидетельствуют, что в странах Европы существуют собственные мотивы озабоченности.

Проблема российского самоопределения в отношениях с европейской цивилизацией неожиданно обернулась вопросом переопределения государственных границ России в Европе. Заявления о нарушении территориальных интересов России при распаде СССР получили широкий резонанс в отечественных СМИ. Тревожный эффект был умножен рассуждениями специалистов в области геополитики относительно того, что в истории нет незыблемых границ, что опре-

деление границ – вопрос соотношения сил и т.п.

Самое болезненное наследие распада СССР – проблема русской диаспоры в бывших союзных республиках, которая была интерпретирована как основание для вмешательства с целью защиты русскоязычного населения. При этом культурно-цивилизационная категория Русского мира была истолкована как геополитический принцип, в рамках которого вмешательство становится не только правом, но и обязанностью России. Подобная риторика в сочетании с присоединением Крыма и широкой общественной мобилизацией в поддержку сепаратистских настроений на юге и востоке Украины обеспокоила политические круги Европы, дав повод усомниться в том, что российское руководство признает существующие границы.

Большую роль играет исторический фактор. Увы, сова Минервы сама решает, когда лететь, и имеет тяготение к сумеречным временам. Озабоченность происходящим на Украине сильнее выражена у соседей бывшей Российской империи и особенно у тех стран, которые входили в ее состав. Красноречиво сопоставление материалов по Чехии (автор – Ю.А. Щербакова) и Польше (автор – Л.С. Лыкошина). Безусловно, на берегах Вислы негативный фон преобладает значительно резче, чем на берегах Влтавы.

Если для Чехии подавление Пражской весны и оккупация страны войсками Варшавского договора в 1968 г. остается в исторической памяти народа трагическим эпизодом,

воздействие которого на восприятие текущих событий выглядит все же ограниченным, то для Польши вся история отношений с Россией буквально кровоточит памятью о разделах территории страны и подавлении восстаний за независимое существование. И стоит ли спорить с историей, если, несмотря на кровавые перипетии отношений с Украиной, общественное мнение бывшей Речи Посполитой разделяет убеждение: «Суверенитет Украины – это безопасность Польши». Не из этого ли вытекает жесткая внешнеполитическая линия польского руководства, заявляющего, что в современной Европе Польша – наиболее «проатлантически настроенная страна»?⁶.

На западе Европы отношение к украинскому кризису выглядит более дистанцированным. Но и здесь немало болезненных точек. Страна Басков и Каталония для Испании (см. статью Е.Г. Черкасовой), Корсика для Франции, Север и Венеция для Италии, Фландрия для Бельгии – все эти проблемные территории будоражат европейское общественное мнение, когда оно получает известия о подъеме сепаратизма на юго-востоке Украины, переросшем в гражданскую войну с участием российских добровольцев. Далеко не везде могут надеяться на мирное и демократическое решение проблем автономных образований по примеру Великобритании.

Особое напряжение вызывает проблема территориальной

⁶ Sikorski R. *Sur l'Ukraine, l'Europe fait moins que le minimum: Interview / Propos recueillis par J.-M. Demetz // Express*. – P., 2014. – 21–27 mai. – N 3281. – P. 13–16.

целостности Украины. В Европе сохраняется память об аншлюсах Третьего рейха и о капитулянтстве европейских лидеров (так называемая Мюнхенская сделка 1938 г.), когда мир – недолговечный – с нацистской Германией был куплен ценой согласия Франции и Великобритании на расчленение Чехословакии. Помнят об этом в самой Чехии, помнят и в ФРГ, где не ослабевает борьба с ревизией нацистского прошлого (статья Б.С. Орлова).

Во Франции, как показано в статье Н.Ю.Лапиной, в связи с политикой России в украинском вопросе происходит новое размежевание политических сил, приходящее на смену традиционному делению на «левых» и «правых». Парадоксальным во многих отношениях выглядит полное одобрение действий России на самом правом фланге политического спектра. Официальная позиция Российской Федерации подчеркивает стремление к искоренению проявлений фашизма и напоминает о злобещей роли, которую сыграли коллаборационисты в различных странах Европы. Эта позиция находит отклик у части французской общественности, осуждающей государственный переворот в Киеве и проявления национал-экстремизма на территории Украины. Национальный фронт далек от либеральных кругов. Его обращение к «традиционным христианским ценностям» – реминисценция идей «национальной революции» маршала Петена, и не случайно партия вызывает у французов ассоциацию с режимом Виши. Тем не менее в настоящее время попу-

лярность крайне правых растет, поскольку их риторика направлена против «засилия» мигрантов, укоренения ислама во Франции, а также против европейской интеграции.

Последнее требует пояснения. Франция – один из учредителей и оплотов Европейского союза. Вместе с тем политика форсированного расширения ЕС на восток не вызывает одобрения у значительной части французского общества. Украинский кризис стал для Франции, как и для других членов ЕС, катализатором противостояния глобалистов и антиглобалистов, европеистов и евроскептиков. Пятая республика переживает далеко не лучший период своей истории. Экономика страны находится в стагнации, растет безработица, молодые, талантливые и хорошо образованные французы уезжают за границу, в первую очередь в США. Общественные настроения отягощены «деклинизмом» (от французского *déclin* – упадок), представлениями о политической и моральной деградации страны и снижении ее статуса в Европе и мире. Многие связывают эти негативные явления с глобализацией, гегемонией США и европейской интеграцией. Усиливается антиамериканизм. Ширятся ряды «суверенистов», озабоченных ослаблением национального суверенитета в рамках Европейского союза, диктатом наднациональных органов, контролем бюрократии Брюсселя (во французском языке появился новый термин – «*eurobureaucratie*» – евробюрократия). Традиционалисты оплакивают утрату национальной идентичности. Все эти силы представляют среду

для благожелательного восприятия России.

Позиция политических кругов и прессы европейских стран в отношении текущих событий во многом предопределена тем образом России, что складывался в последнее десятилетие. Особенно это характерно для Великобритании (статьи Т.В. Черноморовой и Г.Н. Канинской). Британия – страна прецедентного права, и, видимо, поэтому большое значение здесь уделяется юридическим коллизиям, в которых преобладающая часть британского общества усматривает наглядное проявление негативных черт российского государственного порядка. «Дело Ходорковского» представляется примером нарушения законности и произвола органов власти, а «дело Литвиненко» используется для воскрешения памяти об активности советской разведки в годы холодной войны.

В материалах издания представлена позиция и тех кругов в европейских странах, которые хотели бы возврата к холодной войне. «Забудьте о “злом” Путине: мы сами – кровавые разжигатели войны», – под таким заголовком британский журналист П. Хитченс опубликовал статью во влиятельной консервативной газете «Daily Mail»⁷. Автор пишет: у него складывается ощущение, что его окружают люди, которые хотят воевать. Он связывает это со сменой поколений:

⁷ Hitchens P. Forget «evil» Putin – we are the bloodthirsty warmongers // Daily Mail. – Dec. 21. – 2014. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article/2882208/Peeter-Hitchens-forget-evil-Putin-bloodthirsty-warmongers> (Дата посещения – 27.12.2014).

молодым война представляется развлечением, а те, кто помнит настоящую войну, уходят из жизни.

Но в целом можно говорить о явном нежелании европейской общественности, чтобы континент вновь погрузился в эру противостояния, при котором шаткое мирное сосуществование обеспечивается за счет взаимного устрашения. Для многих доброй вестью прозвучали слова канцлера ФРГ Ангелы Меркель, – а влияние Германии на позицию Европейского союза вряд ли можно недооценить – что она будет противодействовать образованию новых разделительных линий в Европе. Госпожу канцлера легко понять. Экономическая мощь ФРГ и ее возросшее влияние в Европе и мире основаны на развитии сотрудничества с Россией, начало которому было положено согласием советского руководства на объединение страны.

Позитивно было воспринято и посещение российской столицы президентом Франции Франсуа Олландом, который стал первым европейским лидером, нанесшим визит в Москву с начала украинских событий. Оптимистично прозвучали слова французского президента, что Франция и Россия должны вместе противодействовать «возведению новых стен».

Позиции Меркель и Олланда приобретают особое значение, поскольку именно ФРГ и Франция являются важнейшими европейскими партнерами России на переговорах по урегулированию украинского кризиса. В той или иной мере мо-

тивы ФРГ и Франции разделяют в Италии и Испании, Норвегии и Финляндии, Чехии и Словакии. И даже в Великобритании, руководство которой критически относится к лидирующей роли Германии в Европейском союзе и к самому ЕС, не забывают о заинтересованности Сити в притоке капиталов из России.

Новый политический феномен – открытое и непосредственное вмешательство во внешнюю политику крупного капитала. Выступая за сохранение и развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества, европейское бизнес-сообщество, в первую очередь в таких странах, как Франция и Германия, у которых сложились тесные партнерские отношения с Россией, настроено против экономических санкций. В них европейские предприниматели видят очевидную угрозу для национальных экономик.

Консенсус в Европейском союзе в отношении государственного суверенитета и территориальной целостности Украины очевиден. На этом и основано введение санкций против банковского и других секторов российской экономики. Однако вопреки желаниям воинственно настроенных кругов Европы военной помощи Украине оказано не было.

Сколь долговременным может быть применение режима санкций? Мир стал глобальным, такова реальность. А это означает – и это тоже преобладающее в Европе мнение, – что, в отличие от времен холодной войны, изоляция страны с такими огромными природными ресурсами и необъятным

рынком, как Россия, наносит серьезный ущерб всей мировой экономике, и в первую очередь ее партнерам из ЕС.

Действуют и другие соображения. Часть политических и общественных деятелей, хорошо знающих недавнюю историю России и ее относительно отдаленное прошлое, опасаются, что изоляция страны может привести к нарастанию антидемократических тенденций. А реакционность во внутренней политике может отозваться, как они понимают, непредсказуемостью в политике внешней. Не только из-за симпатий к народу России, но и заботясь о благополучии своих стран, эта часть политических аналитиков выступает против международной изоляции России. Такая позиция находит заметную поддержку в европейском обществе. Еще жив в памяти страх перед вторжением советских танков, и освобождение от этого кошмара после крушения Берлинской стены высоко ценится в Европе.

За прошедшие два с лишним десятилетия миллионы россиян побывали в странах Европы, десятки тысяч соотечественников работают в Европе. Значение межличностных контактов тоже следует отнести к позитивным факторам. Прекращение человеческого общения на уровне повседневной реальности неизменно совпадало с периодами внешнеполитической напряженности и внутривнутриполитической реакции и самым неблагоприятным образом отражалось на восприятии России в Европе.

Знаменательное и многообещающее обстоятельство: ре-

жим санкций не распространился на область культуры, и в частности на физическую культуру и спорт. Развитие спортивных связей продолжается в регулярном формате. После успешно проведенной Сочинской олимпиады спортсмены разных стран готовятся к чемпионату мира по футболу, который должен состояться в России в 2018 г.

Культура в самом широком смысле слова остается той сферой, которая отчетливо «маркирует» Россию как великую европейскую державу. Несмотря на подозрительность в отношении некоторых активистов движения «Крымнаш», не они определяют восприятие русской культуры в Европе. Культурный образ России складывался веками. Это тот золотой запас, который при всех режимах и перипетиях международных отношений оставался залогом сохранения цивилизационного родства России с другими странами Европы. К сожалению, и в культурной сфере наблюдаются тревожные тенденции. 2015 год должен был стать годом Польши в России. Однако польское правительство отменило официально запланированные мероприятия, что впрочем не помешало проведению других польско-российских встреч, включая юбилейную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения М.А. Бакунина во Вроцлаве.

Устремления авторов журнального выпуска направлены к тому, чтобы уйти от подсчета голосов «за» и «против». Выясняется, что далеко не все политические деятели, СМИ и представители экспертного сообщества в Европе придержи-

ваются логики «баррикад». Негативному отношению к государственной политике России в украинском вопросе (действия в Крыму и на Донбассе) сопутствует надежда на развитие связей с Россией в долгосрочной перспективе. Открытые и неисправимые «русофобы» остаются в меньшинстве. Чаще встречается нюансированная позиция, соединяющая все аспекты отношения к *Другому*.

Солидаризуясь с общим курсом ЕС, некоторые европейские политики (красноречивый пример – чешские лидеры) резко критикуют новые украинские власти. Аналитики и общественные деятели обращают внимание на культурно-историческую и экономическую неоднородность Украины, отмечают обоснованность опасений в Донбассе относительно игнорирования региональных интересов, скорбят об «одесской трагедии». Они с пониманием относятся к призывам российского руководства к федерализации Украинского государства и уважению прав русскоязычного населения на востоке страны.

Нередко «за» и «против» уживаются в позиции одних и тех же людей, как рельефно показано в статье Т.Г. Битковой. Подобная нюансированность побуждает не спешить с «окончательным диагнозом» в оценках стран, СМИ, политических и общественных деятелей. Не подводя окончательного итога, более того, считая недопустимым превращать оценки сложившейся конъюнктуры в культурно-исторические закономерности, редакционная коллегия выражает надежду, что

материалы этого выпуска, как и предшествовавшего ему тематического страноведческого сборника⁸, будут способствовать лучшему пониманию в России отношения к нашей стране за рубежом.

Восприятие *Другого* всегда есть межкультурное взаимодействие, в нем неизбежно присутствуют две стороны, познающие друг друга и самих себя. Это творческий процесс, а не «перечень взаимных болей, бед и обид». В диалоге различных культур не опасно, утверждает классик современной французской социологии Ален Турен, когда стороны «с трудом понимают друг друга». Важно стремление к взаимопониманию, «стремление к дискуссии, открытости, обновлению»⁹.

А.В. Гордон

⁸ *Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: Сб. статей / Отв. ред. Н.Ю. Лапина.* – М., 2012. – 200 с.

⁹ *Цит. по: Филиппова Е.И. Французские тетради: Диалоги и переводы.* – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – С. 3.

Польская общественная мысль о России

Л.С. Лыкошина

Аннотация: В статье рассматривается образ России в польской общественной мысли в историческом контексте. Привлекаются как научные исследования, так и публицистика. Прослеживается влияние международно-политической ситуации на формирование образа России в Польше.

Abstract: Russia's image in the Polish social thought in its historical context is investigated in the present article. Both researches and journalistic articles are analyzed. The influence of the political situation in Europe on the formation of the image of Russia in Poland is demonstrated.

Ключевые слова: Россия, Польша, стереотипы сознания, геополитические интересы, исторический контекст.

Keywords: Russia, Poland, the stereotypes of consciousness, geopolitical interests, historical context.

Осмысление России польской общественной мыслью чаще всего связано с созданием образа чего-то чужого, враждебного и вместе с тем притягательного, заставляющего думать о себе. «Русские», «Россия» – для поляков это эмоционально окрашенные слова-символы. Польский философ

Адам Шафф отмечал в свое время, что «характерный синдром поляков» связан с аллергией по отношению к России и русским (47, с. 56).

Негативный образ присутствует уже в первых письменных источниках, содержащих сведения об отношении поляков к русским землям и народу, их заселяющему: в польской хронике Анонима Галла (XII в.), в хронике Винцента Кадлубека (XII – начало XIII в.). Восточные соседи Польши предстают людьми дикими, необразованными, неблагородными, близкими к печенегам и половцам. В XVI в., по мысли В. Мочаловой, «концепт загадочного, варварского, полумифического восточного соседа, установившего у себя тираническую систему правления, был составной частью польской картины мира, как бы оттеняя гуманистические ценности шляхетского общества, контрастно подсвечивая национальный автопортрет» (6, с. 44).

Негативное отношение к России резко усилилось с конца XVIII в., с начала разделов (территории Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией). Национально-освободительные восстания XIX в. определили специфику отношения к России. Польский философ В. Ледницкий писал: «Дым 1831 г., а потом и 1863 г.¹⁰ заставлял слезиться наши глаза и надолго лишил нас способности трезвого и реалистического видения России» (цит. по: 13, с. 211).

¹⁰ В эти годы в Польше произошли национально-освободительные восстания против Российской империи. – Прим. авт.

Особая роль в формировании представлений о России в польском общественном сознании принадлежит писателям и поэтам-романтикам (XIX в.), в произведениях которых мы находим немало из тех предубеждений и стереотипов, которые живы и по сей день. Романтизм – это эпоха, которая сформировала польскую идентичность и определила культурную «запрограммированность», в том числе и в сфере польско-российских отношений.

В романтизме на первом плане – идея народа, его миссии, предназначения. Польская национальная идентичность и самосознание складывались в противостоянии главному противнику – России как воплощению абсолютного зла. Реальные поражения компенсировались в общественной мысли представлениями об извечной борьбе добра (Польши) со злом (Россией). Поражения Польши воспринимались как наказание за грехи. Народ, терпевший поражения, мстил победителю, не признавая за ним не только никаких достоинств, но и просто нормального человеческого существования. В произведениях Адама Мицкевича Россия – огромная, неприветливая, промерзшая страна, где все подчинено воле царя-деспота. Народ покорен и пассивен. Тема холода, «замороженности» России повторяется и в произведениях других польских поэтов того времени – Ю. Словацкого, К. Норвида (10).

Романтизм в соответствии с самой сутью концепции разделял деспотов, угнетателей и поработенный, страдающий

народ. Но если классик романтизма Адам Мицкевич иногда жалел «братьев-славян», то многие польские мыслители отказывали России в праве причислять себя к славянским народам. После восстания 1830–1831 гг. один из активных участников его М. Мохнацкий называл Россию страной азиатской, а русских – азиатами. Там на бескрайних и диких азиатских просторах и должна, по мысли Мохнацкого, Россия обрести свое истинное место, в чем ей призвана помочь Европа, которая в отличие от Польши недостаточно четко осознает опасность, исходящую с Востока (39, с. 116).

В середине XIX в. на смену характерному для романтизма отношению к России в категориях духовных, религиозных, цивилизационных приходит восприятие ее в категориях биологических, расовых, геополитических (13, с. 278). Польский этнограф и историк Ф. Духиньский идентифицировал Россию с туранским племенем, заселявшим некогда азиатские степи, а затем прорвавшимся в Европу. Духиньский считал, что русские – это уральские, алтайские, угрофинские племена, лишь после XII в. отчасти славянизированные киевскими князьями. Идея «туранской цивилизации», к которой якобы принадлежит Россия, стала в Польше XIX в. весьма популярной и благополучно перекочевала в XX в.

В Польской республике (1918–1939) отношение к советской России не стало более благожелательным. Одним из наиболее значимых и интересных исследователей, писавших

о России в межвоенный период, был М. Здзеховский (1861–1938) – философ, историк культуры, профессор Краковско-го, а затем Виленского университетов, знаток русской литературы и философии, основатель Славянского клуба в Кракове и журнала «Славянский мир». Он учился в России, был лично знаком со многими представителями российской интеллигенции, публиковал свои статьи в российской периодике, был лидером галицийских славянофилов. Здзеховский относился к России эмоционально и равнодушно, а в начальный период своего творчества вполне благожелательно. Но со временем Россия становится для него воплощением угрозы. Предостерегая поляков от российского влияния (отнюдь не внешнего, политического, а гораздо более опасного – духовного), Здзеховский самой значимой, определяющей чертой русской души считал максимализм, размах которого очаровывал Польшу. «Максимализм каждый вопрос сводит к дилемме: либо все, либо ничего. Отсюда, – писал Здзеховский, – в сфере морали – абсолютное совершенство, в сфере социальной – абсолютное счастье рая на земле, который каждому человеку обеспечит возможность широко пользоваться всеми благами жизни; наконец, в сфере политической – универсализм абсолютного господства над миром. Но так как достижение абсолюта невозможно в этом мире, максимум естественно перерастает в отрицание действительности, в слепое и жестокое в своей решительности разрушение во всех сферах морали, социальной и государственной жизни».

ни» (64, с. 152).

В межвоенной Польше российской проблематикой занимались многие крупные историки, но вряд ли кто-то может сравниться по степени влияния на формирование исторического сознания с Я. Кухажевским (1876–1952), политическим деятелем, историком и публицистом. Его семитомное сочинение «От белого до красного царизма», изданное в 1923–1935 гг., было известно всем образованным полякам того времени. Примечательно, что сочинения Кухажевского неоднократно переиздавались и в 90-е годы XX в.

Главная идея Кухажевского – преемственность самодержавия и большевизма, перерастание славянофильского мессианства в коммунистическое. По мнению Кухажевского, в России добро переходит в зло. Он усматривает в России «историческое недоразумение, огромную мистификацию» с народом без образования и культуры, без чувства закона, без уважения к женщине, даже без привязанности к своему углу и деревне. «Русские – это народ чрезвычайно легко оставляющий отцовское гнездо и уходящий туда, где, возможно, лучше жить, пребывающий в переходном состоянии между кочевым и оседлым образом жизни, ненавидящий государство как воплощение вечного насилия» (30, с. 343).

Самое страшное, что весь народ – от просвещенных верхов до низов – проникнут одной низменной страстью – жадой захвата чужого. Именно захвата чужого, а не сохранения своего. Религия неспособна облагородить русский на-

род, ибо православие – не подлинное христианство. До Золотой Орды христианство не успело утвердиться, а после, хотя и строились на Руси многочисленные церкви, соблюдались строгие посты и отбивались поклоны, русские оставались во власти обряда, а не духа христианства. Между тем при «обособленности и темноте возобладала идея, что только на русско-московских землях сохранилась истинная вера» (30, с. 347). Представление об избранности переходит из религиозной сферы в политическую, порождая национализм и ксенофобию. Русские считают себя носителями высшей правды и полагают, что другие народы должны им подчиниться. Эта идея, по Кухажевскому, происходит от монаха Филофея (с его концепцией «Третьего Рима») и Достоевского.

Важное место в польской общественной и исторической мысли межвоенного периода занимают работы профессора Виленского университета Феликса Конечного (1862–1949). Будучи сторонником цивилизационного подхода, Конечный выделял семь главных цивилизаций в истории человечества: еврейскую, браминскую, туранскую, латинскую, византийскую, китайскую и арабскую. Сам ученый был апологетом латинской цивилизации, выступая при этом противником цивилизационного синтеза. Категорически не приемля предназначение Польши служить мостом между Западом и Востоком, Конечный писал: «Что же касается очевидной ныне в Польше цивилизационной мешанины, то она, по-мое-

му, является свидетельством упадка цивилизации. Цивилизация может быть чистой или не быть вообще. Нельзя принадлежать к двум цивилизациям. Польша пала потому, что в поисках синтеза Запада и Востока превратилась в цивилизационную карикатуру» (28, с. 236).

По мысли Конечного, страна поддалась влиянию туранской цивилизации, которая постепенно разрушила, подорвала силу цивилизации латинской. Тлетворное влияние Востока привело к гибели Польши. Это влияние было не всегда явным. Происходила скрытая «русификация интеллекта». Такие русские писатели, как Толстой и Достоевский, нарушали строй польской души. «Именно на рубеже XIX и XX вв. в Польше стал появляться новый тип: поляка с горячим польским сердцем, готового на жертвы, даже на мученичество ради Польши, но обладающего русифицированным мозгом. В польской литературе можно найти очень известные имена авторов, которые восприняли от русских не только литературный стиль, но распространяли русские “настроения”, а подчас и откровенно русские представления о частной и общественной жизни, ненавидя Россию всей душой! Пропитанные русским мышлением, они старались применить его методы во имя польского дела. Результат, конечно же, был противоположен намерениям» (28, с. 237).

В межвоенный период в Польше попытки осмыслить революционные события 1917 г. предпринимали ученые, работавшие в Люблинском католическом университете, А. Ши-

маньский, Е. Пастушка, И. Чума, Е. Урбан. Чума усматривал истоки большевизма в разрыве цивилизационно-культурных связей России и Запада. Разрыв отрезал Россию от достижений западноевропейской науки, общественной и религиозной мысли. «Религиозный русский человек аномативен, аформален, склонен к мистицизму, но не в понимании западной церкви, а скорее в понимании восточном. Он умеет верить, но не может определить свою жизненную позицию. Изоляция Москвы от средневекового Запада привела к превращению России в оплот ритуала, причем огромные религиозные силы русского народа остались ниже уровня умственного развития эпохи» (16, с. 20). Естественно, что в католической стране, каковой являлась Польша, особое внимание уделялось проблеме преследования религии в СССР, атеистической пропаганде. Варварское разрушение храмов, гонения на верующих, расправа с духовенством нередко становились сюжетами публикаций в польской прессе, не прибавляя симпатий в отношении восточного соседа (48, с. 177).

Оценивая большевизм как кровавый хаос, польские публицисты того периода истоки его усматривали в истории России, в периоде татаро-монгольского нашествия. Критика большевиков особенно усилилась после обретения Польшей независимости в связи с соперничеством за территории Украины и Белоруссии. В прессе, особенно эндецкой¹¹, ак-

¹¹ Эндекция – Национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским, отличалась националистическими и антисемитскими взглядами. Дмов-

тивно муссировалась тема еврейского происхождения лидеров большевиков. Тем более что во Временном революционном комитете в Белостоке, созданном по инициативе Москвы, преобладали евреи. Католическая печать также подчеркивала засилие евреев в Русской революции и видела в этом пагубные последствия и для Польши, и для Европы.

Красноармейцы изображались дикими, полуазиатскими ордами (именно азиатские черты придавали польские художники большевикам в своих карикатурах) вечно голодных насильников и грабителей. Польские солдаты выглядели элегантно одетыми рыцарями, исполненными благородства и достоинства, красноармейцы – плохо одетыми, босыми, небритыми. Именно в эти первые послереволюционные годы в сознании многих поляков утвердился образ большевика, который, как утверждает Х. Лисяк «просуществовал много лет, а среди старшего поколения поляков сохранился и по сей день» (34, с. 387).

Вместе с тем вследствие сближения СССР и Польши в 30-е годы, приведшем к заключению договора о ненападении в 1932 г., более благожелательным становился тон польской прессы. В Польшу приезжали делегации советских ученых, СССР посещали польские военные. Поляки присутствовали на военном параде в честь 7 ноября 1933 г. на Красной

ский был депутатом Государственной Думы (1907). В его высказываниях о России можно обнаружить как весьма критическое отношение к России и русским, так и стремление обосновать мысль о том, что Россия может стать опорой в обретении Польшей независимости. – Прим. авт.

площади, польская делегация была приглашена на банкет, устроенный маршалом Тухачевским. Рос интерес к культуре СССР, советскому кинематографу (48, с. 180–181).

После сентября 1939 г. реанимируется образ русского солдата: это вновь дикий варвар, чуждый истинной цивилизации. Годы Второй мировой войны не способствовали улучшению этого образа. Антироссийские настроения усиливались в связи с проблемой Катыни, воспринимаемой в польском обществе как преступление советского режима.

После Второй мировой войны, вплоть до 1980-х годов, образ России в польской общественной мысли вписывался в схемы, утвержденные в СССР. Сложные моменты в польско-российских отношениях, «белые пятна» в истории обходились, замалчивались (во всяком случае, в официальных изданиях).

Систему образования в ПНР пытались организовать в соответствии с советским образцом. Подготовка учебников по истории велась либо под контролем советских специалистов, либо при их непосредственном участии. В 1949 г. министр просвещения С. С skjешевский выступал с просьбой срочного перевода на польский язык учебников, изданных в СССР (48, с. 184). Польские историки немало усилий прилагали для создания позитивного образа СССР в глазах поляков, признав в начале 1950-х годов марксизм-ленинизм в качестве господствующей идеологической платформы исторических исследований. В ходе совместной работы с советскими

историками формировался соответствующий политическим задачам времени образ восточного соседа.

Конечно, лучшим способом избежать оценки сложных моментов польско-российских отношений был способ умолчания. А если что-то и говорилось, то в духе официальной концепции. После 1956 г. веяния оттепели коснулись и истории, но к 1970-м годам эти тенденции сошли на нет. В средней школе часы преподавания истории были сокращены, а из программ средних специальных учебных заведений история исчезла вообще (37, с. 16–18).

В учебниках 1970-х годов, написанных известными польскими историками, история России излагается вполне в духе официальной советской историографии. Как замечает Т. Мареш, «в учебниках трудно найти что-либо такое, к чему могла бы выразить претензии Россия. Это было обусловлено политическими причинами. Только по отношению к царской России, царским генералам, ограничивающим национальную независимость поляков, авторы решались на критические замечания» (36, с. 188).

Гораздо более свободной в выражении своего отношения к России вообще и к России советской в особенности была польская общественная мысль в эмиграции. В эмигрантской публицистике (независимо от политической ориентации) господствовало убеждение в преемственности царской России и СССР (теория континуитета). Соответственно, польско-советские отношения рассматривались как про-

должение польско-российских со всеми их проблемами и осложнениями. Советская политика по отношению к Польше расценивалась как агрессивная, основанная на насилии, территориальной экспансии, неуважении к польскому суверенитету (17, с. 244).

Подтверждение этой мысли усматривалось в событиях 17 сентября 1939 г., катынском расстреле, преследовании солдат и офицеров Армии Крайовой после окончания войны. Польские эмигрантские издания неоднократно высказывали идеи о том, что корни советского режима следует искать в российских традициях. Так, один из авторов «Белого орла» (в 1947 г.) замечал, что «большевизм по сути – российское явление и потому он так легко утвердился в России». Ю. Понятовский на страницах «Польского ежедневника» (в 1956 г.) утверждал, что советский строй и советское мировоззрение – это ипостась имперского менталитета, В. Збышевский в «Культуре» (в 1955 г.) всю ответственность за большевизм возлагал на русский народ (цит. по: 55, с. 110).

В редакционной статье, опубликованной в издающемся в Нью-Йорке «Тыгоднике польском» (в 1945 г.), говорилось, что «Советская Россия не только является детищем Ивана Грозного, Екатерины и Суворова, но и гордится этим. Сталинизм – это вовсе не коммунизм, а порождение азиатчины, пожравшее тело социальной революции. Это красный фашизм, красный нацизм, опаснейшая, самая темная, милитаристская форма русского империализма» (цит. по: 55,

с. 111).

Но в 1980-е годы ситуация изменилась. В польской публицистике и научной печати все чаще стали говорить о кризисе исторической науки, о «вторичной исторической неграмотности», порождаемой школой. Молодежь, да и общество в целом перестали верить официальной версии истории. Прежде всего речь шла о польско-российских и польско-советских отношениях. Война 1920 г., действия Армии Крайовой, Катынь, Варшавское восстание – все эти «белые пятна» волновали общество, искавшее правду не в учебниках и официальных изданиях, а в продукции подпольных издательств «Нова», «Кронг», «Ритм» и целого ряда других. Поток информации (как и прежде, не всегда объективной, но с совершенно противоположным прежнему содержанием) через многочисленные подпольные журналы, кассеты, радиопередачи хлынул на польское общество. СССР рассматривался как страна, оккупировавшая Польшу. Сталин – как тиран, подчинивший своей власти Центральную и Восточную Европу, Россия и СССР – как извечные угнетатели Польши. А главное – в русской истории и культуре не усматривалось ничего ценного.

Позитивный образ СССР, на создание которого годами были направлены усилия официальной науки и пропаганды, не прижился в польском обществе. Неприязнь к русским, по мнению польского историка Я. Стефяняка, «осталась глубоко укорененной, особенно среди старшего поколения» (53,

с. 196).

В польских учебниках истории, появившихся после 1989 г., акцентировалась ответственность СССР за развязывание Второй мировой войны, Катынь, Варшавское восстание, преследования поляков со стороны советских органов безопасности. В некоторых научных трудах, и особенно в публицистике, муссировалась идея, что коммунизм несколько не лучше фашизма. Под сомнение ставился тезис об освободительной роли Красной армии во Второй мировой войне. Сомнению подвергался тезис о решающей роли Октябрьской революции в обретении Польшей независимости (14). В целом правомерно говорить о том, что в школах в сознание учеников внедряется в общем негативный образ русских и России.

Прочитать о России что-то написанное в положительном ключе очень непросто в силу того, что таких авторов в Польше немного. Прежде всего следует назвать А. Валицкого, авторитетного исследователя российской общественной мысли, для которого русская интеллектуальная традиция – часть европейской. Он отрицает постулат «ненормальности» России. Валицкий возлагал на себя миссию раскрыть истинную ценность русской мысли, вернуть понимание этой ценности полякам и самим русским, утратившим его в советское время. «Я хотел бы, – пишет Валицкий Ч. Милошу, – посмотреть на русскую мысль с точки зрения общих у нас с русскими испытаний – они не могут этого сделать, а я могу...

За действительное духовное возрождение России я готов заплатить “внутренней русификацией всех поляков”. Те, кто поворачивается спиной к России вместо того, чтобы повернуться к ней лицом, вовсе не националисты – это абстрактные ”западники“, с пренебрежением относящиеся к родному “захолустью“» (3, с. 84).

Философ не соглашался с утверждениями Ю. Мерошевского: «Русских ненавидят в Польше больше, чем англичан в Индии или французов в Алжире. Ненавидят их одинаково католики и коммунисты, крестьяне и рабочие, интеллигенция – словом все. Эта ненависть безгранична, никакие слова не дают представления о ней» (цит. по: 3, с. 82). Валицкий же утверждал: «Мы не должны ненавидеть русских, больше всего страданий они причинили себе сами из иррациональной веры, что из этих страданий вырастет нечто великое для всего мира» (3, с. 82). Из общего хора выбивается также голос историка Б. Зентары, расценивавшего традиции Великого Новгорода и земских соборов как стремление к защите прав личности и ограничению самодержавия (65).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.